

ИЗДАНИЕ

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

В 117033

70

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

П О Э М А

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Издание второе, исправленное и умноженное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМ. НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1828.

519

1917
ИЗДАНИЕ
АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПРОПАГАНДА
1917

Съ дозволенія Правительства.

БІБЛІОТЕКА
Академіі Наук
УСРР

РІ
П-91

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ Царскосельскаго лицея и продолжалъ ее среди самой разсѣянной жизни. Этимъ до нѣкоторой степени можно извинить ея недоспашки.

При ея появленіи въ 1820 году тогдашніе журналы наполнились кришиками болѣе или менѣе снисходительными (*). Самая про-

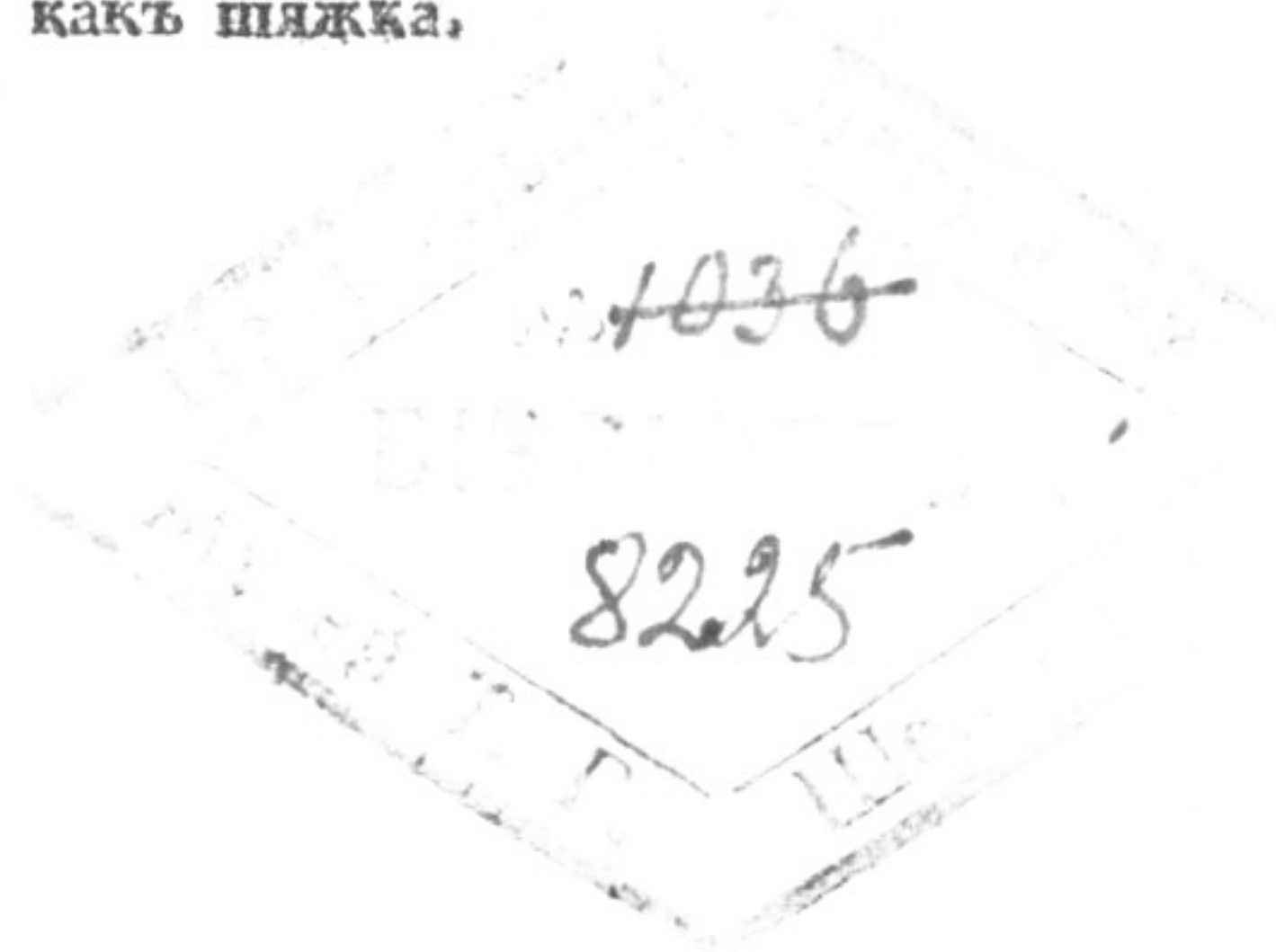
(*) Одна изъ нихъ подала поводъ къ эпиграммѣ, приписываемой К***

Напрасно говоряшь, что кришика легка;

Я кришику читалъ Руслана и Людмилы;

Хоть у меня довольно силы;

Но для меня она ужасно какъ шаялка.

VI

спранныя писана г. В. и помѣщена въ Сынѣ Опечества. Вслѣдъ за нею появились вопросы неизвѣснаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя.

« Начнемъ съ первой пѣсни. *Commençons par le commencement :*

« Зачѣмъ Финнъ дожидался Руслана?

« Зачѣмъ онъ рассказываетъ свою исторію, и какъ можешь Русланъ въ такомъ несчастномъ положеніи съ жадностію внимать рассказы (или поруски *расказамъ*) старца?

« Зачѣмъ Русланъ *присвистываетъ*, отправляясь въ пущь? Показываетъ ли это огорченнаго человѣка? Зачѣмъ Фарлафъ съ своею трусовостию похваля *искашь* Людмилы? Иные скажутъ: за шѣмъ, чшобы *упасшь* въ грязный ровъ: *et puis on en rit et cela fait toujours plaisir.*

« Справедливо ли сравненіе, стр. 46, которое вы такъ хвалише? Случалось ли вамъ это видѣшь?

«Зачѣмъ маленькій карла съ большою боро-
дою (что между прочимъ совсѣмъ не забав-
но) приходилъ къ Людмилѣ? Какъ Людмилѣ
пришла въ голову странная мысль схватить
съ колдуна шапку (впрочемъ въ испугѣ чего
не надѣлаешь?), и какъ колдунъ позволилъ ей
это сдѣлать?»

«Какимъ образомъ Русланъ бросилъ Рогдая,
какъ ребенка въ воду, когда

Они схватились на коняхъ;

.

Ихъ члены злобой сведены;

Объяпы, молча, коспенѣють, и проч. ?

Не знаю, какъ Орловскій нарисовалъ бы
это.

«Зачѣмъ Русланъ говоришь, увидѣвши поле
бишвы (которое совершенный *hors d'œuvre*),
зачѣмъ говоришь онъ:

О поле, поле, кто тебя

Усѣялъ мершвыми косями ?

.

VIII

Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья? . . .
Временъ опть вѣчной темноты,
Бышь можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья! и проч.?

«Такъ ли говорили Рускіе богатыри? И по-
хожъ ли Русланъ, говорящій о травѣ заб-
венья и вѣжной темнотѣ временъ, на Русла-
на, который чрезъ минушу послѣ воскли-
цаешъ съ важностью сердитой:

Молчи, пуспая голова!

.

Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!

Я ѣду, ѣду не свищу,

А какъ наѣду, не спущу!

. Знай нашихъ! и проч.?

«Зачѣмъ Черноморь, доставши чудесный
мечъ, положилъ его на полѣ, подъ головою
брата? Не лучше ли бы было взять его до-
мой?»

«Зачѣмъ будишь двѣнадцать спящихъ дѣвъ и
поселяшь ихъ въ какую-то снѣдь, куда, не знаю
какъ, заѣхалъ Рагмиръ? Долго ли онъ про-

быль шамъ? Куда поѣхаль? Зачѣмъ сдѣлался рыбакомъ? Кшо такая его новая подруга? Вѣрояшно ли, что Русланъ, побѣдивъ Черномора и пришедъ въ опчаяніе, не находя Людмилы, махаль до шѣхъ поръ мечемъ, что сшибъ шапку съ лежащей на землѣ супруги?

«Зачѣмъ карла не вылъзь изъ кошомки убишаго Руслана? Чшо предвѣщаешь сонъ Руслана? Зачѣмъ эшо множесшво почекъ послѣ спиховъ:

Шапры бѣлѣють на холмахъ?

«Зачѣмъ, разбирая Руслана и Людмилу, говоришь объ Иліадѣ и Энеидѣ? Чшо естѣ общаго между ними? Какъ писаешь (и кажешся серіозно), что рѣчи Владиміра, Руслана, Финна и проч. нейдушъ въ сравненіе съ Омеровыми? Вошъ вещи, копорыхъ я не понимаю, и копорыхъ многіе другіе также не понимающъ. Если вы намъ объясните ихъ, то мы скажемъ: *cujusvis hominis est errare: nullius, nisi insipientis, in errore perseverare.* (Philippis. XII. 2). »

Х

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais.

Конечно многія обвиненія сего допроса основательны, особенно послѣдній. Нѣкто взялъ на себя прудъ опвѣчать на оныя. Его аншикришика оспроумна и забавна.

Впрочемъ нашлись рецензенты совсѣмъ инаго разбора. На прим. въ Вѣспникѣ Европы, No. 11, 1820, мы находимъ слѣдующую благонамѣренную спашью.

«Теперь прошу обратишь ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, копорый, какъ у Камознса Мысь бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди океана Россійской словесности. Пожалуйста напечатайше мое письмо: бышь можешъ, люди, копорые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, опомняшся, разсмѣюшся и оставятъ намѣреніе сдѣлашся изобрѣшателями новаго рода Рускихъ - сочиненій.

«Дѣло вошь въ чемъ: вамъ извѣстно, что мы опъ предковъ получили небольшое бѣдное

наслѣдство липературы, т. е. *сказки и пѣсни* народныя. Что о нихъ сказашь? Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя; то не должны ли щастельно хранишь и оспашки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Мы любимъ воспоминашь все, относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастли- вому времени дѣтства, когда какая нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и составляла все богатство позна- ній? Видите сами, что я не прочь ошъ со- бирація и изысканія Рускихъ сказокъ и пѣ- сень; но когда узналъ я, что наши словес- ники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о вели- чіи, плавности, силѣ, красотахъ, богат- ствѣ нашихъ старинныхъ пѣсень, начали пе- реводишь ихъ на Нѣмецкой языкъ, и нако- нецъ шакъ влюбились въ *сказки и пѣсни*, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали *Ерусланы* и *Бовы* на новый манеръ; то я вамъ слуга покорный.

XII

Чего добраго ждашь ошь повпоренія болѣ жалкихъ, нежели смѣшныхъ лепешаній?... Чего ждашь, когда наши поэмы начинаютъ пародировать *Киршу Данилова*?

Возможно ли просвѣщенному, или хошь немного свѣдущему человѣку шерпѣшь, когда ему предлагають новую поэму, писанную въ подражаніе *Еруслану Лазаревичу*? Извольше же заглянушь въ 15 и 16 Но. *Сына Отечества*. Тамъ неизвѣстный піишь на образчикъ выспавляешъ намъ опривокъ изъ поэмы своей *Людмила и Русланъ* (не Ерусланъ ли?). Не знаю, что будешъ содержашь цѣлая поэма; но образчикъ хошь кого выведешъ изъ шерпѣнія. Піишь оживляешъ мужичка самъ съ ногошь, а борода съ локошь, придаешъ ему еще безконечные усы (С. Оп. стр. 121), показываешъ намъ вѣдьму, шапочку невидимку и проч. Но вопшь, что всего драгоцѣннѣе: Русланъ наѣзжаешъ въ полѣ на побитую рашъ, видишь богатырскую голову, подъ кошорою лежишь мечъ-кладенець; голова съ нимъ разглагольспвуешъ, сражается... Живо помню,

какъ все это, бывало, я слушала отъ няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать отъ поэтовъ нынѣшняго времени!.. Для большей точности, или чшобы лучше выразить всю прелестъ стариннаго нашего пѣснословія, поэшь и въ выраженіяхъ уподобился Ерусланову расказику, на примѣръ:

. . . . Шупите вы со мною —
Всѣхъ удавлю васъ бороною! . . .

Каково?

. . . Обѣхалъ голову кругомъ
И спалъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотитъ ноздри копѣемъ . . .

Каршина, достойная Кирши Данилова!
Далѣе: чихнула голова, за нею и эхо *чихаетъ* . . . Вошь, чшо говоришь рыцарь:

Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу . . .

Потомъ вишязь ударяешь въ щеку пяжкой
рукавицей . . . Но увольте меня отъ подроб-

наго описанія; и позвольте спросить: если бы въ Московское Благородное Собраніе какъ нибудь вперся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякъ, въ лапшяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: *здорово, ребята!* Не уже ли бы спали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ спарику сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чшобы она каждой разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ спранностей. Зачѣмъ допускашь, чшобы плоскія шушки спарины снова появлялись между нами! Шушка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, опврашипельна, а ни мало не смѣшна и не забавна. Dixi. »

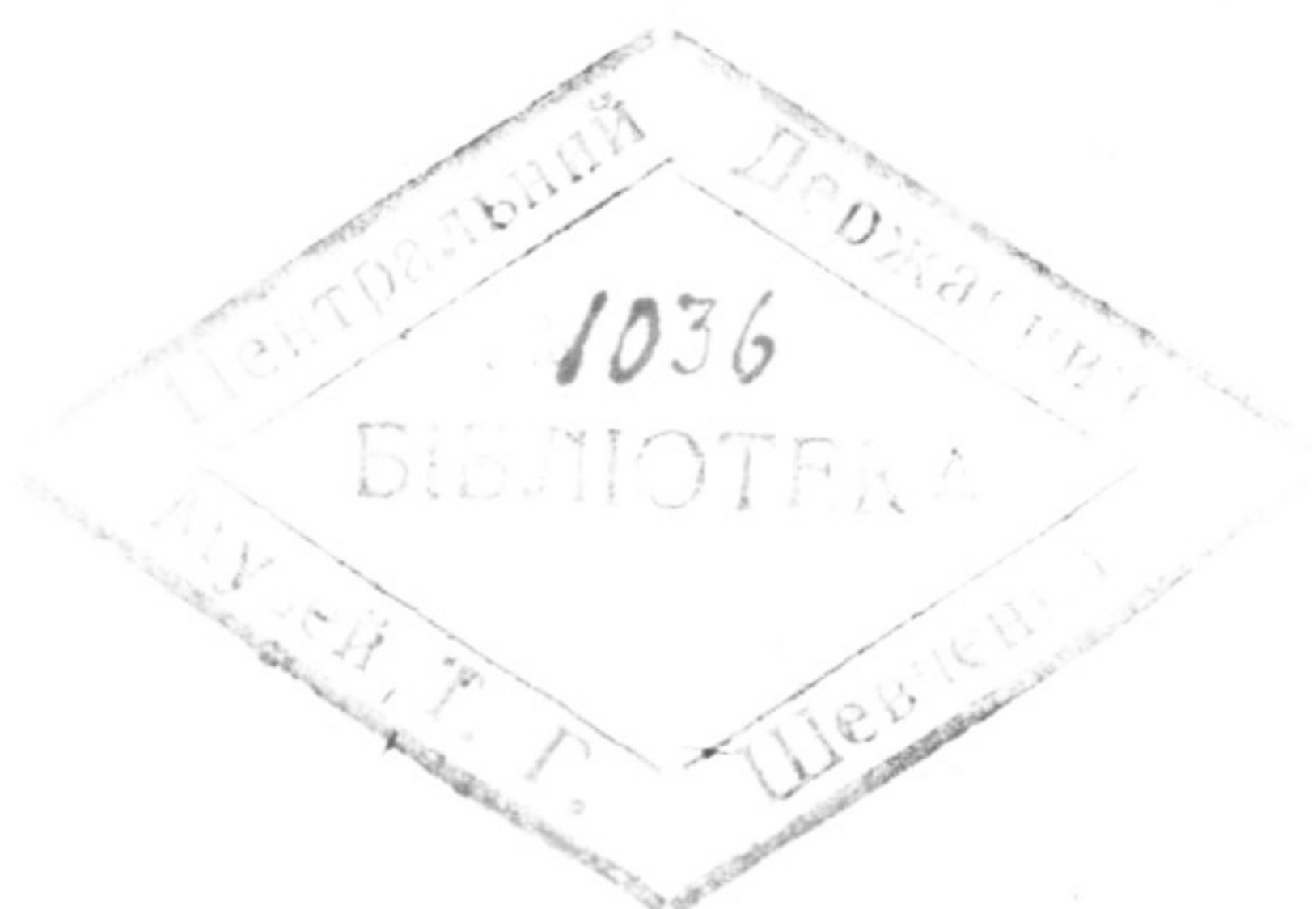
Долгъ искренности пребуешь также упомянуть и о мнѣніи одного изъ *увѣнзанныхъ, первокласныхъ отечественныхъ писателей*, копорый, прочишавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: я шущь не вижу ни мыслей, ни чувсшва; вижу шолько чувсшвенность. Другой (а можешь бышь и шощь же) увѣн-

чанный, первокласный опечественный писатель привѣтствовалъ сей первый опышь молодого поэта слѣдующимъ стихомъ:

Мать дочери велишь на эпу сказку плюнуть.

12 Февраля, 1828.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

*Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопоть старины болтливой,
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривой!
Ни гвхъ не требую похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныхъ мои.*

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

У лукоморья дубъ зеленый;
Злапая цѣпь на дубѣ помъ :
И днемъ и ночью копъ ученый
Все ходишь по цѣпи кругомъ ;
Идешь направо — пѣснь заводишь ,
Налѣво — сказку говоришь.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродишь ,
Русалка на вѣпвяхъ сидишь ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоишь безъ оконъ, безъ дверей ;
Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны ;
Тамъ о зарѣ прихлынушь волны

На брегъ пѣсчаный и пусшой,
И придицашь випязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходящъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняешъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ пемницѣ шамъ царевна пужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ спупа съ Бабою Ягой
Идешъ, бредешъ сама собой;
Тамъ царь Кашей надъ златомъ чахнешъ;
Тамъ Руской духъ... шамъ Русью пахнешъ!
И шамъ я былъ, и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый;
Подъ нимъ сидѣлъ и копъ ученый,
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню: сказку эпу
Повѣдаю теперь я свѣшу...

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ полпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ грядницѣ высокой
Владиміръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медь изъ пѣжкаго спакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись госпямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжишь госпѣй веселый кругъ;

Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ ;
Всѣ смолкли , слушающъ Баяна :
И славишъ сладоспный пѣвецъ
Людмилу-прелестъ и Руслана
И Лелемъ свипый имъ вѣнецъ.

Но, спраспью пылкой упомленный ,
Не ѣспъ, ни пѣспъ Русланъ влюбленный ;
На друга милаго глядишъ ,
Вздыхаешъ , сердисся , горитъ
И, щипля усъ опъ неперпѣнья,
Щипаешъ каждыя мгновенья.
Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ ,
За шумнымъ, свадебнымъ споломъ
Сидяшъ при випязя младае ;
Безмолвны, за ковшемъ пуспымъ ,
Забыли кубки круговые
И брашна непріятны имъ ;
Не слышапъ вѣщаго Баяна,
Попутили смущенный взглядъ :
То при соперника Руслана ;

Въ душѣ несчастные таятъ
 Любви и ненависти ядъ.
 Одинъ — Рогдай, воишель смѣлый,
 Мечемъ раздвинувшій предѣлы
 Богатыхъ Кіевскихъ полей;
 Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
 Въ пирахъ никѣмъ непобѣжденный,
 Но воинъ скромный средь мечей;
 Послѣдній, полный спраспной думы,
 Младой Хазарскій ханъ Рапмиръ:
 Всѣ прѣе блѣдны и угрюмы,
 И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вошъ конченъ онъ; вспаюшъ рядами,
 Смѣшались шумными толпами,
 И всѣ глядяшъ на молодыхъ:
 Невѣста очи опустила,
 Какъ будто сердцемъ приуныла,
 И свѣшель радоспный женихъ.
 Но шѣнь объемлетъ всю природу,
 Ужъ близко къ полночи глухой;
 Бояре, задремавъ опъ мѣду,

Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ воспоргѣ, въ упоеньѣ:
Ласкаеть онъ въ воображеньѣ
Спыдливой дѣвы красопу;
Но съ тайнымъ, груспнымъ умиленьемъ
Великій князь благословеньемъ
Даруеть юную чешу.

И вопъ невѣспу молодую
Ведутъ на брачную поспель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаеть Лель.
Свершились милья надежды,
Любви гоповапся дары;
Падупъ ревнивья одежды
На Цареградскіе ковры...
Вы слышите ль влюбленный шопопъ
И поцѣлуевъ сладкій звукъ
И прерывающійся ропопъ
Послѣдней робоспи?... Супругъ
Воспорги чувспвуеть заранѣ;
И вопъ они наспали... Вдругъ

Громъ грянуль, свѣтъ блеснуль въ шуманѣ,
 Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
 Кругомъ все смеркло, все дрожитъ,
 И замерла душа въ Русланѣ...

Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
 Раздался дважды голосъ спранный,
 И кто-то въ дымной глубинѣ
 Взвился чернѣе мглы шуманной...

И снова перемъ пустьъ и пихъ;
 Вспааетъ испуганный женихъ,
 Съ лица капишся пощъ оспылой;
 Трепеща, хладною рукой
 Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...

О горе: нѣтъ подруги милой!
 Хватаетъ воздухъ онъ пуспой;
 Людмилы нѣтъ во щмѣ гущой,
 Похищена безвѣспной силой.

Ахъ, если мученикъ любви
 Спрадаетъ спраспью безнадежно;
 Хощъ грущно щипъ, друзья мои,
 Однако щипъ еще возможно.

Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнявъ влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, поски предметъ,
И вдругъ минувшую супругу
Навѣкъ упростишь... о друзья,
Конечно лучше бѣ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастной.
Но что сказалъ великій князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зыпя гнѣвомъ разпалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
« Гдѣ, гдѣ Людмила? » вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ. « Дѣпи, други!
« Я помню прежнія заслуги :
« О, сжалъсь вы надъ спарикомъ!
« Скажите, кто изъ васъ согласенъ
« Скакать за дочерью моей?
« Чей подвигъ будетъ ненапрасенъ,
« Тому — перзайся, плачь, злодѣй!
« Не могъ сберечь жены своей! —

« Тому я дамъ ее въ супруги
« Съ полцарствомъ правдъ моихъ.
« Кто жь вызовешся, дѣши, други? . . . »
— Я! молвилъ гореспный женихъ.
« Я! я! воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радоспный Рапмиръ:
Сей часъ коней своихъ сѣдаемъ;
Мы рады весь изѣздитъ мѣрь.
Опецъ нашъ, не продимъ разлуки;
Не бойся: ѣдемъ за Княжной. »
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ проспираешъ руки
Спарикъ, измученный поской.

Всѣ четверо выходящъ вмѣстѣ:
Русланъ уныньемъ какъ убищъ;
Мысль о пошерянной невѣстѣ
Его терзаешъ и мершвищъ.
Садящся на коней решивыхъ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Лешящъ въ клубящейся пыли;
Уже скрывающся вдали;

Ужь всадниковъ не видно болѣ...
Но долго все еще глядишь
Великій князь въ пустое поле
И думой имъ во слѣдъ лепишь.

Русланъ помился молчаливо,
И смыслъ и память поперявъ.
Черезъ плечо глядя спѣсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхаль за Русланомъ.
Онъ говоришь: «насилу я
« На волю вырвался, друзья!
« Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
« Ужь по-по крови будешь печь,
« Ужь по-по жерпвъ любви ревнивой!
« Повеселись, мой вѣрный мечъ,
« Повеселись, мой конь репивой! »

Хазарскій Ханъ, въ умъ своёмъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,

Огня надежды полонъ взоръ:
То скачешъ онъ во весь опоръ,
То дразнишь бѣгуна лихаго,
Кружишь, подъемлешь на дыбы,
Иль дерзко мчишь на холмы снова.

Рогдай утрюмъ, молчишь — ни слова...
Спрашась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоень онъ,
И часто взоръ его ужасной
На князя мрачно устремлѣнь.

Соперники одной дорогой
Все вмѣспѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра спаль темень брегъ оплогой;
Съ воспока льепся ночи шѣнь;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ опдохнуть.
Вопъ подъ горой пушемъ широкимъ
Широкій пересѣкъся путь.
« Разѣдемся, пора! » сказали,

Безвѣстной ввѣримся судьбѣ. »
И каждый конь, не чуя спали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Чпо дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пуспынной пишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнился, видѣлъ пы во снѣ.
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ швоей
Надежда гибнешъ, гаснешъ вѣра.

Но вдругъ предъ выпяземъ пещера;
Въ пещерѣ свѣшъ. Онъ прямо къ ней
Идешъ подъ дремлющіе своды,
Ровесники самой природы.
Вошелъ съ уныньемъ : чпо-же зришь?
Въ пещерѣ спарецъ; ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;
Лампада передъ нимъ горитъ ;

За древней книгой онъ сидишь,
Ее внимашельно чишая.
« Добро пожаловать, мой сынъ! »
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
« Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вяну;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ потерялъ силы;
Но зла промчится быстрый мигъ:
Навремя рокъ тебя поспигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

« Узнай, Русланъ: твой оскорбитель
Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похищитель,

Полнощныхъ обладатель горь.
Еще ничей въ его обитель
Не проникаль донынѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней испребишель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнешь опъ руки пвоей.
Тебѣ сказаць не долженъ болѣ:
Судьба пвоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ пвоей опнынѣ волѣ. »

Нашъ выпязь спарцу палъ къ ногамъ,
И въ радости лобзаешъ руку.
Свѣплѣешъ мѣръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожиль онъ; и вдругъ опяшь
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
« Ясна шоски пвоей причина;
Но грусть не шрудно разогнашь,
Сказаль спарикъ: тебѣ ужасна
Любовь сѣдаго колдуна;
Спокойся, знай: она напрасна
И юной дѣвѣ не спрашна.

Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
 Онъ свиснетъ — задрожитъ луна;
 Но пропивъ времени закона
 Его наука не сильна.
 Ревнивый, препенный хранишель
 Замковъ безжалостныхъ дверей,
 Онъ полько немощный мучишель
 Прелестной плѣнницы своей.
 Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
 Кланетъ жестокой жребій свой...
 Но, добрый выпязь, день проходитъ,
 А нуженъ для тебя покой.

Русланъ на мягкій мохъ ложился
 Предъ умирающимъ огнёмъ;
 Онъ ищетъ позабыться сномъ,
 Вдыхаетъ, медленно вершится...
 Напрасно! Выпязь наконецъ:
 « Не спится что-то, мой отецъ!
 Что дѣлать: боленъ я душою,
 И сонъ не въ сонъ, какъ пошню жить.
 Позволь мнѣ сердце освѣжить

Твоей бесѣдою свяшою.
Проспи мнѣ дерзоспный вопросъ.
Откройся: кто ты, благодапный,
Судьбы наперспникъ непоняпный?
Въ пустыню кто тебѣ занёсъ? »

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Спарикъ въ отвѣпъ: « любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальшой
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣспныхъ,
Гоняя спадо сель окреспныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жишь въ опрадной пишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣпъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ

Она гремѣла красопою.
Однажды упренней порою
Свои спада на шемный лугъ
Я гналь, волынку надувая;
Передо мной шумѣль пошокъ.
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, выпязь, по была Наина!
Я къ ней — и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною опрадой,
Съ ея мучительной поской.

Умчалась года половина;
Я съ препешомъ опкрылся ей,
Сказаль: люблю шебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина съ гордоспью внимала,
Лишь прелести свои любя;

И равнодушно опивчала:
Паспухъ, я не люблю себя!

И все мнѣ дико, мрачно спало:
Родная куща, пѣнь дубровъ,
Веселы игры паспуховъ —
Ничто шоски не упѣшало.
Въ уныньи сердце сохло, вяло.
И наконецъ задумаль я
Оспавишь Финскія поля;
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной брашской переишь,
И бранной славой заслужишь
Вниманье гордое Наины.
Я вызваль смѣлыхъ рыбаковъ
Искашь опасностей и злапа.
Впервые тихій храй опцовъ
Услышаль бранный звукъ булапа
И шумъ немирныхъ челноковъ.
Я вдаль уплыль, надежды полный,
Съ толпой безспрашныхъ земляковъ;
Мы десяць лѣшь снѣга и волны

Багрили кровію враговъ.
Молва неслась: цари чужбины
Спрашились дерзоспи моей;
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными сажались
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ,
Томилось тайною кручиной,
Искало Финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной.
Сказалъ — и весла зашумѣли;
И, спрахъ оставя за собой,
Въ заливъ опчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влещѣли.

Сбылись давнишнія мечпы,
Сбылися пылкiя желанья!
Минуша сладкаго свиданья,
И для меня блеснула пы!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленной,
Кораллы, злапо и жемчугъ;
Предъ нею, спраспью упоенный,
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея зависпливыхъ подругъ,
Споялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась опъ меня,
Промолва съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю шебя!

Къ чему разсказываешь, мой сынъ,
Чего пересказаешь нѣшь силы?
Ахъ, и шеперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню гореспь, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родишся,

По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая капишся.

Но слушай: въ родинѣ моей
Между пустынныхъ рыбаей
Наука дивная паишся.
Подъ кровомъ вѣчной пишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далёкой
Живушъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудроспи высокой
Всѣ мысли ихъ успремлены;
Все слышишь голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвласпны
И гробъ и самая любовь.

И я, любви искапель жадной,
Рѣшился въ груспи безопрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
Любовь волшебспвами зажечь.
Спѣшилъ въ объпшя свободы,

Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И шамъ, въ ученьи колдуновъ,
Провель невидимые годы.
Наспаль давно желанный мигъ,
И шайну спрашную природы
Я свѣплой мыслию поспигъ:
Узналь я силу заклинаньямъ.
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
Теперь, Наина, пы моя!
Побѣда наша: думаль я.
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдипель
Былъ рокъ, упорный мой гонипель.

Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ воспоргѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ — и въ шмѣ лѣсной
Спрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихоръ подняль вой,
Земля вздрогнула подь ногой...
И вдругъ сидипь передо мной
Спарушка дряхлая, сѣдая,

Глазами впалыми сверкая,
Съ горбомъ, съ прясучей головой,
Печальной вепхоспи карпина.
Ахъ, випязь, то была Наина!...
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами спрашный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣньи все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
Возможно ль! ахъ, Наина, пы ли!
Наина, гдѣ швоя краса?
Скажи, уже ли небеса
Тебя такъ спрашно измѣнили?
Скажи, давно ль, оспавя свѣпъ,
Разспался я съ душой и съ милой?
Давно ли?... «Ровно сорокъ лѣпъ,
Быль дѣвы роковый опвѣпъ:
Сегодня семьдесяпъ мнѣ било.
Чшо дѣлапъ, мнѣ пищипъ она,
Толпою годы пролешѣли,
Прошла моя, швоя весна —
Мы оба посшарѣпъ успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда

Невѣрной младости упрата.
Конечно, я теперь съда,
Немного, можетъ быть, горбата;
Не то, что вспарину была,
Не такъ жива, не такъ мила;
За то (прибавила болпунья),
Открою пайну: я колдунья!»

И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудроспью моею.

Но вопшь ужасно: колдовспво
Вполнѣ свершилось по несчастью.
Мое съдое божеспво
Ко мнѣ пылало новой спраспью.
Скрививъ улыбкой спрашный рошь,
Могильнымъ голосомъ уродъ,
Бормочепъ мнѣ любви признанье.
Вообрази мое спраданье!
Я препепаль, пошупя взоръ;

Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, спраспный разговоръ :
« Такъ , сердце я теперь узнала ;
Я вижу , вѣрный другъ , оно
Для нѣжной спраспи рождено ;
Проснулись чувспва , я стараю ,
Томлюсь желаньями любви . . .
Приди въ объапія мои . . .
О милый , милый ! умираю . . . »

И между пѣмъ она , Русланъ ,
Мигала помными глазами ;
И между пѣмъ за мой кафшанъ
Держалась пощими руками ;
И между пѣмъ — я обмираль ,
Опъ ужаса , зажмура очи ;
И вдругъ перпѣшь не спало мочи ;
Я съ крикомъ вырвался , бѣжалъ .
Она во слѣдъ : « о недостпойный !
Ты возмушилъ мой вѣкъ спокойный ,
Невинной дѣвы ясны дни !
Добился пы любви Наины ,

И презираешь — вопль мужчины!
Измѣной дышуть всѣ они!
Увы, сама себя вини;
Онъ обольспилъ меня, несчастной!
Я опдалась любви спраспной...
Измѣнникъ, извергъ! о позоръ!
Но препещи, дѣвичій воръ! »

Такъ мы распались. Съ эпихъ поръ
Живу въ моемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой;
И въ мѣрѣ спарцу упѣшенье
Природа, мудросп и покой.
Уже зовешъ меня могила;
Но чувства прежнія свои
Еще спарушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу преврапила.
Душою черной зло любя,
Колдунья спарая конечно
Возненавидишь и шебя;
Но горе на землѣ не вѣчно. »

Нашъ випязь съ жадноспью внималъ
Разказы спарца; ясны очи
Дремошой легкой не смыкаль,
И пихаго полеша ночи
Въ глубокой думѣ не слыхаль.
Но день блиспаеть лучезарный...
Со вздохомъ випязь благодарный
Объемлешъ спарца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходишь вонъ. Ногами списнуль
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвиснуль.
« Опець мой, не оспавь меня. »
И скачешъ по пуспому лугу.
Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричишь вослѣдъ: « счастливыи пупиь!
Проспи, люби свою супругу,
Совѣшовъ спарца не забудь! »

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не найше мира межъ собой;
Несите мрачной славы дани,
И упивайтесь враждой!
Пусть мѣръ предъ вами цѣпенѣшь,
Дивясь грознымъ поржеспвамъ:
Никто о васъ не пожалѣешь,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другаго рода,
Вы, рыцари Парнаскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Бранились — только оспорочно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно!
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:

Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Топь будешь миль на зло вселенной;
Сердишься глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ помимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный
И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный —
Злой духъ превожилъ и смущалъ
Его поскоющую душу,
И выпязь пасмурный шепталъ:
« Убью!.. преграды всѣ разрушу...
Русланъ!.. узнаешь ты меня...
Теперь-то дѣвица поплачетъ... »
И вдругъ, поворошивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,

Укрывшись опъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, наединѣ,
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
Обѣдалъ въ мирной пишинѣ.
Какъ вдругъ, онъ видитъ: кто-то въ полѣ,
Какъ буря, мчится на конѣ;
И, времени не прапя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
Лепилъ — а топъ за нимъ во слѣдъ.
« Остановись, бѣглець безчестный! »
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный.
« Презрѣнный, дай себя догнашь!
Дай голову съ тебя сорвать! »
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмираль,
И, вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣе гналь.
Такъ точно заяцъ поропливой,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, подемъ, сквозь лѣса

Скачками мчишься опло пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга
Весной распопленнаго снѣга
Попоки мушныя текли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь репивою,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлою гривой,
Бразды спальныйя закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверху ногами
Свалился псячко въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принялъ ужъ былъ гошовъ.
Рогдай къ оврагу подлешаешь;
Жеспокій мечъ ужъ занесёнъ;
Погибни, прусь! умри! вѣщаешь...
Вдругъ узнаешь Фарлафа онъ;
Глядишь, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились;
Скрыпя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою

Скорѣй опьѣхавъ ошо рва,
Бѣсился... но едва, едва
Самъ не смѣлся надъ собою.

Тогда онъ вспрѣшилъ подъ горой
Спарушечку чупь-чупь живую,
Горбашую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала.
Ты тамъ найдешь его, сказала.
Рогдай весельемъ закипѣль
И къ вѣрной смерти полепѣль.

А нашъ Фарлафъ? Во рву оспался,
Дохнушь не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думаль: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышишь прямо надъ собой
Спарухи голось гробовой:
«Вспань, молодець; все шихо въ полъ;
«Ты никого не вспрѣпишь болъ;

« Я привела тебѣ коня ;

« Вспавай, послушайся меня. »

Смущенный выпязь по неволѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ ;
Окреспность робко озирая,
Вздыхнулъ и молвилъ оживая :
« Ну, слава Богу, я здоровъ ! »

« Повѣрь ! старуха продолжала :
« Людмилу мудрено сыскать ;
« Она далеко забѣжала ;
« Не намъ съ тобой ее достать .
« Опасно развѣзжать по свѣту ;
« Ты, право, будешь самъ не радъ .
« Послѣдуй моему совѣту ,
« Сступай пихохонько назадъ .
« Подъ Кіевомъ , въ уединеньѣ ,
« Въ своемъ наслѣдственномъ селеньѣ
« Оспанься лучше безъ заботъ :
« Отъ насъ Людмила не уйдѣтъ . »

Сказавъ, исчезла. Въ неперынь
Благоразумный нашъ герой
Топчасъ опправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о княжнѣ молодой;
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ пошъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчится;
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной думою спремится
Къ Людмилѣ, радости своей,
И говоритъ: « найду ли друга?
« Гдѣ ты, души моей супруга?
« Увижу ль я твой свѣплый взоръ?
« Услышу ль нѣжный разговоръ?
« Иль суждено, чпобъ чародѣя
« Ты вѣчной плѣнницей была,
« И, скорбной дѣвою спарѣя,
« Въ темницѣ мрачной опцвѣла?
« Или соперникъ дерзновенный

« Придешь?... Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный:
« Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
« Еще глава не пала съ плечъ. »

Однажды, шемною порою,
По камнямъ берегомъ крупнымъ
Нашъ випязь ѣхаль надъ рѣкою.
Все упихало. Вдругъ за нимъ
Спрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье
И попопъ по полю глухой.
Спой! грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чиспомъ,
Поднявъ копье, лепишь со свиспомъ
Свирѣпый всадникъ, и грозой
Помчался князь ему на встрѣчу.
« Ага! догналъ тебя! поспой! »
Кричишь наѣздникъ удалой:
« Гошовься, другъ, на смершну сѣчу;
« Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣспъ;
« А шамъ ищи своихъ невѣспъ. »

Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ опъ гнѣва;
Онъ узнаешъ сей буйный гласъ...

Друзья мои! а наша дѣва?
Оспавимъ выпязей на часъ;
О нихъ опяшь я вспомню вскорѣ.
А по давно пора бы мнѣ
Подумашь о молодой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечпы
Наперсникъ иногда нескромной,
Я разсказалъ, какъ ночью тѣмной
Людмилы нѣжной красопы
Опъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди шумана.
Несчастливая! когда злодѣй,
Рукою мощною своею
Тебя сорвавъ съ поспели брачной,
Взвился, какъ вихоръ, къ облакамъ
Сквозь шпжкій дымъ и воздухъ мрачной,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ —

Ты чувствъ и памяти лишилась
И въ страшномъ замкѣ колдуна
Безмолвна, препенна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣпныхъ дней,
Когда за курицей прусливой
Султанъ куряшника спѣсивой,
Пѣшухъ мой по двору бѣжалъ
И сладоспасными крылами
Уже подругу обнималъ ;
Надъ ними хипрыми кругами
Цыплятъ селенья спарый воръ,
Пріавъ губипельныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
И палъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, лепишь. Въ когпягъ ужасныхъ
Во тму разсѣлинь безопасныхъ
Уносишь бѣдную злодѣй.
Напрасно, горестью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,

Зовешъ любовницу пѣшухъ...
 Онъ видишь лишь лепучій пухъ,
 Лепучимъ въпрямь занесенный.

До утра юная княжна
 Лежала, шягоспнымъ забвеньемъ,
 Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
 Объята — наконецъ она
 Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
 И смутнымъ ужасомъ полна;
 Душой лепить за наслажденьемъ,
 Кого-то ищетъ съ упоеньемъ;
 Гдѣ жь, милый, шепчетъ, гдѣ супругъ?
 Зовешъ и помершвѣла вдругъ.
 Глядишь съ боязнію вокругъ.
 Людмила, гдѣ швоя свѣшлица?
 Лежитъ несчастная дѣвица
 Среди подушекъ пуховыхъ,
 Подъ гордой сѣнью балдахина;
 Завѣсы, пышная перина
 Въ киспяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
 Повсюду шкани парчевыя;

Играють яхонты, какъ жарь;
Кругомъ курильницы злапыя
Подъемлють ароматный парь;
Довольно... благо мнѣ не нада
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ шомъ.
Но свѣплый перемъ не опрада,
Когда не видимъ друга въ нѣмъ.

Три дѣвы, красоты чудесной,
Въ одеждѣ легкой и прелеспной
Княжнѣ явились, подошли,
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжнѣ воздушными перспами
Злапую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,

Потомъ приближилась другая;
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣль Людмилы стройный спанъ;
Покрылись кудри золотыя,
И грудь, и плечи молодыя
Фапой, прозрачной, какъ шуманъ.
Покровъ зависпливый лобзаешъ
Красы, доспойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаешъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаешъ.
Межъ пѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поешъ.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни леспи и веселья
Ея души не веселяшъ;
Напрасно зеркало рисуешъ
Ея красы, ея нарядъ;
Попупя неподвижный взглядъ,
Она молчишъ, она поскуешъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,
 На темномъ сердца днѣ чипали,
 Конечно знаютъ про себя,
 Что если женщина въ печали
 Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь,
 На зло привычкѣ и разсудку,
 Забудешъ въ зеркало взглянушь —
 То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вопъ Людмила вновь одна.
 Не зная, что начашъ, она
 Къ окну рѣшешчашу подходишъ,
 И взоръ ея печально бродишъ
 Въ пространствѣ пасмурной дали.
 Все мертво. Снѣжныя равнины
 Коврами яркими легли;
 Спояшъ угрюмыхъ горъ вершины
 Въ однообразной бѣлизнѣ,
 И дремлюшъ въ вѣчной тишинѣ;
 Кругомъ не видно дымной кровли,
 Не видно пупника въ снѣгахъ,
 И звонкій рогъ веселой ловли

Въ пустынныхъ не прубишь горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свиспомъ
Буншуетъ вихорь въ полѣ чистомъ,
И на краю съдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ опчаянья, Людмила
Отъ ужаса лице закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь!
Бѣжишь въ серебряную дверь;
Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Плънипельный предѣль:
Прекраснѣе садовъ Армиды
И шѣхъ, копорыми владѣль
Царь Соломонъ, иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумящъ
Великолѣпныя дубровы;
Алеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миршовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотые апельсины

Зерцаломъ водъ опражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вѣшся вѣшеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищеть соловей Кипайскій
Во мракъ препетныхъ вѣшвей;
Лешяпъ алмазные фоншаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ испуканы,
И, мнишся, живы; Фидій самъ,
Пишомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валяпся, плещутъ водопады;
И ручейки въ шѣни лѣсной
Чуть вьюпся сонною волной.
Пріюпъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ

Мелькають свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣпки
Цвѣшуть и дышуть по пропамъ.
Но безупѣшная Людмила
Идешь, идешь и не глядишь;
Волшебства роскошь ей послыла,
Ей груспенъ нѣги свѣтлый видъ;
Куда, сама не зная, бродишь,
Волшебный садъ кругомъ обходишь,
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачныя возводишь
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный;
Къ успамъ она прижала перспъ;
Казалось, умысль ужасный
Раждался... Спрашный пупъ опверстъ:
Высокій моспикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
Въ уныньи пляжкомъ и глубокомъ
Она подходишь — и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударила, рыдая, въ грудь,

Въ волнахъ рѣшилась ушонуть —
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ упра,
Успала, слёзы осушила,
Въ душѣ подумала: пора!
На правку сѣла, оглянулась —
И вдругъ надъ нею сѣнь шапра,
Шумя, съ прохладой развернулась;
Обѣдъ роскошный передъ ней;
Приборъ изъ яркаго кристалла;
И въ пишинѣ изъ-за вѣпвей
Незрима арфа заиграла.
Дивилась плѣнная княжна,
Но впайнѣ думаетъ она:
« Вдали опъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣшѣ болѣ?
О ты, чья гибельная спрасшь
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не спрашна злодѣя власшь:

Людмила умереть умѣешь!
Не нужно мнѣ твоихъ шапровъ,
Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ —
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!»
Подумала — и спала кушань.

Княжна вспаецъ, и вмигъ шапёръ,
И пышной роскоши приборъ,
И звуки арфы... все пропало;
Попрежнему все тихо спало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скипается изъ роши въ роши;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плывешь луна, царица ноши;
Находишь мгла со всѣхъ сторонъ
И тихо на холмахъ почила;
Княжну невольно клонишь сонъ,
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣперокъ,
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чершогъ,

И оспорожно опускаешъ
Сквозь оиміамъ вечернихъ розъ
На ложе грусти, ложе слёзъ.
Три дѣвы вмигъ опяшь явились
И вокругъ нея засуешились,
Чтобъ на ночь пышный сняшь уборъ;
Но ихъ унылый, смутный взоръ
И принужденное молчанье
Являли впайнѣ соспрананье
И немощный судьбамъ укоръ.
Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
Раздѣша сонная княжна;
Прелесна предестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложися почивашъ она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились,
И тихо пришворили дверь.
Что жъ наша плѣнница шеперь!
Дрожишь какъ лисъ, дохнушь не смѣешь;
Хладѣюшь перси, взоръ шемнѣешь;
Мгновенный сощъ опъ глазъ бѣжишь;

Не спишь, удвоила вниманье,
Недвижно въ темнопу глядишь...
Все мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышишь прелепанье...
И мнишься... шепчешь пишина;
Идушь — идушь къ ея постелѣ;
Въ подушки прячется княжна —
И вдругъ... о страхъ!.. и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ пма ночная,
Мгновенно дверь опворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идешь
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушкахъ оспорожно
Сѣдую бороду несешь;
И ходишь съ важносью за нею,
Подъявъ величественно шею,
Горбатый карликъ изъ дверей:
Его-шо головѣ обришой,
Высокимъ колпакомъ покрышой

Принадлежала борода.
 Ужь онъ приближился: тогда
 Княжна съ поспели соскочила,
 Съдаго карлу за колпакъ
 Рукою быспрой ухватила,
 Дрожащій занесла кулакъ,
 И въ спрахъ завизжала шакъ,
 Чшо всѣхъ Араповъ оглушила.
 Трепеща, скорчился бѣднякъ,
 Княжны испуганной блѣднѣе;
 Зажавши уши поскорѣе,
 Хошѣль бѣжашь, но въ бородѣ
 Запушался, упаль и бьешся;
 Вспаешь, упаль; въ шакой бѣдѣ
 Араповъ черный рой мяшешся;
 Шумяшъ, толкаюшся, бѣгушъ,
 Хапаюшъ колдуна въ охапку,
 И вонъ распутывашъ несущъ,
 Оспавя у Людмилы шапку.

Но чшо-шо добрый вишязь нашъ?
 Вы помнише ль неждану встрѣчу?

Бери свой быспрый карандашъ ,
Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!
При свѣтѣ препепномъ луны,
Сразились випязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ спѣснены,
Ужъ копья брошены далѣко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрышы,
Щипы прещапъ, въ куски разбишы...
Они схвапились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьюшся;
Борцы, недвижно сплешены,
Другъ друга списнувъ, оспаюшся,
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены;
Переплелись и коспенѣюшъ;
По жиламъ быспрый огонь бѣжишъ;
На вражьей груди грудь дрожишъ —
И вопъ колеблюшся, слабѣюшъ —
Кому-шо пасшъ... вдругъ випязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой

Съ сѣдла наѣздника срываешь,
 Подъемлешь, держишь надъ собой
 И въ волны съ берега бросаешь.
 Погибни! грозно восклицаешь;
 Умри, зависпникъ злобный мой!

Ты догадался, мой чипашель,
 Съ кѣмъ бился доблесный Русланъ:
 То былъ кровавыхъ бипвъ искашель,
 Рогдай, надежда Кіевлянъ,
 Людмилы мрачный обожашель.
 Онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ
 Искаль соперника слѣдовъ;
 Нашель, наспигъ, но прежня сила
 Пипомцу бипвы измѣнила,
 И Руси древній удалецъ
 Въ пущынѣ свой нашель конецъ.
 И слышно было, что Рогдая
 Тѣхъ водъ Русалка молодая
 На хладны перси приняла,
 И, жадно випязя лобзая,
 На дно со смѣхомъ увлекла,

И долго послѣ, ночью пѣмной,
Бродя близъ шихихъ береговъ,
Богапыря призракъ огромной
Пугаль пустынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Напрасно вы въ тѣни паились
Для мирныхъ, счасливыхъ друзей,
Спихи мои! Вы не сокрылись
Опъ гнѣвныхъ зависпи очей.
Ужь блѣдный крипикъ, ей въ услугу,
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой и княжной?
Ты видишь, добрый мой чипашель,
Тупъ злобы черную печашь!
Скажи, Зоиль, скажи, предашель,
Ну какъ и что мнѣ опвѣчашь?
Краснѣй, несчастный, Богъ съ побою!
Краснѣй, я спорить не хочу;
Довольный тѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной крошоспи молчу.

Но ты поймешь меня, Климена,
 Пошпишь помные глаза
 Ты, жертва скучнаго Гимена...
 Я вижу: шайная слеза
 Падешь на спихъ мой, сердцу вняпный;
 Ты покраснѣла, взоръ погасъ;
 Вдохнула, молча... вздохъ поняпный!
 Ревнивецъ: бойся, близокъ часъ;
 Амуръ съ Досадою своенравной
 Вспунили въ смѣлый заговоръ,
 И для главы швоей безславной
 Гошовъ ужъ мспишельный уборъ.

Ужъ упро хладное сіяло
 На шемени полнощныхъ горъ;
 Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
 Въ досадѣ скрышой Черноморъ,
 Безъ шапки въ упреннемъ халатѣ,
 Зѣваль сердишо на кровати.
 Вокругъ брады его сѣдой
 Рабы полнились молчаливы,
 И нѣжно гребень коспяной

Расчесывалъ ея извивы;
Межь пѣмъ, для пользы и красы,
На безконечные усы
Лились воспочны ароматы,
И кудри хипрые вились;
Какъ вдругъ, опкуда ни возмись,
Въ окно влепаешъ змѣй крылапый:
Гремя желѣзной чешуѣй,
Онъ въ кольца быспрыя согнулся,
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною толпой.
«Привѣспивую шебя, сказала,
Собратъ, издавна чпимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рокъ соединяешъ
Теперь насъ общею враждой;
Тебѣ опасность угрожаешъ,
Нависла пуча надъ побой;
И голосъ оскорбленной чеспи
Меня къ опмщенію зовешъ.»

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
 Ей карла руку подаетъ,
 Вѣщая: « дивная Наина!
 Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
 Мы посрамимъ коварство Фина;
 Но мрачныхъ козней не боюсь:
 Прошивникъ слабый мнѣ не спрашенъ;
 Узнай чудесный жребій мой:
 Сей благодатной бородой
 Недаромъ Черноморъ украшенъ.
 Доколь власовъ ея сѣдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубишь,
 Никпо изъ выпязей лихихъ,
 Никпо изъ смершныхъ не погубишь
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
 Моею будешь вѣкъ Людмила,
 Русланъ же гробу обречёнъ! »
 И мрачно вѣдьма повторила:
 « Погибнешъ онъ! погибнешъ онъ! »
 Потомъ три раза прошипѣла;
 Три раза топнула ногой,
 И чернымъ змѣемъ улещѣла.

Блнспая въ рнзѣ парчевой,
Колдунъ, колдуньей ободренной,
Развеселясь, рѣшился вновь
Неспи къ ногамъ дѣвицы плѣнной
Усы, покорность и любовь.
Разряженъ карликъ бородапый,
Опяшь идепъ въ ея палашы;
Проходипъ длинный комнапъ рядъ:
Княжны въ нихъ нѣпъ. Онъ далъ, въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшепкъ сада,
Вдоль озера, вокругъ водопада,
Подъ моспики, въ бесѣдки... нѣпъ!
Княжна ушла, пропаль и слѣдъ!
Кто выразипъ его смущенье,
И ревъ, и прещепъ испупленья?
Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
Раздался карлы дикій спонъ:
« Сюда, невольники, бѣгите!
Сюда, надѣюсь я на васъ!
Сей часъ Людмилу мнѣ сыщипе!
Скорѣе, слыщипе ль? сей часъ!

Не по — шупише вы со мною —
Всѣхъ удавлю васъ бородою! »

Чишпашель, расскажу ль тебѣ
Куда красавица дѣвалась?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и — смѣялась.
Ее пугала борода,
Но Черноморь ужь былъ извѣстенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
Навспрѣчу упреннымъ лучамъ
Поспешь оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотые
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась и съ досады

Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго спекла
Вдыхая не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своенравныхъ думъ,
Примѣрять шапку Черномора.
Все шихо, никого здѣсь нѣтъ;
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не приспанетъ!
Рядисься никогда не лѣнь:
Людмила шапкой завертѣла;
На брови, прямо, на бекрень,
И задомъ напередъ надѣла.
И что жь? о чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала;
Перевернула — передъ ней
Людмила прежняя предспала;
Назадъ надѣла — снова нѣтъ;
Сняла — и въ зеркалѣ! « Прекрасно!
Добро, колдунъ, добро мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно;

Теперь избавлюсь опъ хлопотъ! »
 И шапку спараго злодѣя
 Княжна, опъ радости краснѣя,
 Надѣла задомъ наперѣдъ.

Но возвратимся же къ герою.
 Не стыдно ль занимаешься намъ
 Такъ долго шапкой, бороною,
 Руслана поруча судьбамъ?
 Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокой,
 Проѣхалъ онъ дремучей лѣсъ;
 Предъ нимъ открылся доль широкой,
 При блескѣ упренныхъ небесъ.
 Трепещешь выпязь по неволѣ:
 Онъ видитъ спарой битвы поле.
 Вдали все пусто; здѣсь и шамъ
 Желтѣютъ коспи; по холмамъ
 Разбросаны колчаны, лапы;
 Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щипъ;
 Въ коспяхъ руки здѣсь мечъ лежатъ;
 Травой обросъ шамъ шлемъ космашый
 И старый черепъ плѣшетъ въ немъ;

Богапыря тамъ оставъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежишь недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной пишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ випязь вокругъ себя
Взираетъ грустными очами.
« О поле, поле, кто тебя
Усыялъ мершвыми коспями?
Чей борзый конь тебя топшаль
Въ послѣдній часъ кровавой бипвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молишвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло правой забвенья?...
Временъ опъ вѣчной темношы,
Бышь можешъ, нѣщъ и мнѣ спасенья!

Бышь можешъ, на холмъ нѣмомъ
 Поспавяпъ пихій гробъ Руслановъ,
 И спруны громкія Баяновъ
 Не будупъ говоришь о нѣмъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ випязь мой,
 Чшо добрый мечъ герою нуженъ
 И даже панцырь; а герой
 Съ послѣдней битвы безоруженъ.
 Обходитъ поле онъ вокругъ;
 Въ кустахъ, среди коспей забвенныхъ,
 Въ громадѣ плѣющихъ кольчугъ,
 Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
 Себѣ доспѣховъ ищешъ онъ.
 Проснулись гуль и спешъ нѣмая,
 Поднялся въ полъ прескъ и звонъ;
 Онъ поднялъ щипъ, не выбирая,
 Нашель и шлемъ и звонкій рогъ;
 Но лишь меча сыскапъ не могъ.
 Долину брани объѣзжая,
 Онъ видишь множеспво мечей,
 Но всѣ легки, да слишкомъ малы,

А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что випязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ нибудь играть опъ скуки,
Копье спальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ пущь.

Ужъ поблѣднѣлъ закапъ румяный
Надъ усыпленною землѣй;
Дымяпся синіе шуманы
И всходишь мѣсяцъ золопой;
Померкла спеть. Тропою пѣмной
Задумчивъ ѣдепъ нашъ Русланъ,
И видишь: сквозь ночной шуманъ
Вдали чернѣепъ холмъ огромной
И что-то спрашное храпишь.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышишь:
Чудесный холмъ какъ будто дышишь.
Русланъ внимаепъ и глядишь
Безпрепепно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упираепся, дрожишь,

Трясешь упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ шуманъ блѣдно озарясь,
Яснѣешь; смоприпть храбрый князь —
И чудо видишь предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объяшы;
Храпипть, качая шлемъ пернапый,
И перья въ шемной высопть,
Какъ пѣни, ходяпть, развѣваясь.
Въ своей ужасной красопть
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвиемъ окружена,
Пуспыни спорожъ безымянной,
Руслану предспоипть она
Громадой грозной и шуманной.
Въ недоумѣнни хочепть онъ
Тайнспвенный разрушипть сонъ.
Вблизи осмапривая диво,
Объѣхаль голову кругомъ,

И спалъ предъ носомъ молчаливо;
Щекошипъ ноздри копіёмъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза опкрыла и чихнула...
Поднялся вихорь, спепь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слепѣла спая совъ;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь репивый
Заржалъ, запрыгаль, оплепѣль,
Едва самъ випись усидѣль,
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
« Куда ты, випись неразумный?
Спупай назадъ; я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу! »
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержаль коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
« Чего ты хочешь опъ меня?
Нахмурясь, голова вскричала.
« Вошь госпя мнѣ судьба послала!
« Послушай, убирайся прочь!

« Я спать хочу, теперь ужь ночь,
« Прощай! » Но выпязь знаменишой,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
— Молчи, пуспая голова!
Слыхаль я испину бывало:
Хопь лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свишу,
А какъ наѣду, не спущу! —

Тогда, опъ яроспи нѣмѣя,
Спѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жарь,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали;
Изъ успѣ, ушей поднялся парь —
И вдругъ она, чпо было мочи,
Навспрѣчу князю спала душъ;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, напужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ пущь;

Объятый страхомъ, ослѣпленный,
 Онъ мчится вновь, изнеможенный,
 Далече въ полѣ опдохнуть.
 Вновь обратишься выпязь хочешь —
 Вновь опраженъ, надежды нѣтъ!
 А голова ему вослѣдъ,
 Какъ сумасшедшая, хохочешь,
 Грмишь: « ай, выпязь! ай, герой!
 « Куда ты? пише, пише, спой!
 « Эй, выпязь, шею сломишь даромъ;
 « Не прусь, наѣздникъ, и меня
 « Порадуй хоть однимъ ударомъ,
 « Пока не заморилъ коня. »
 И между тѣмъ она героя
 Дразнила спрашнымъ языкомъ.
 Русланъ, досаду въ сердце кроя,
 Грозилъ ей молча копіемъ,
 Трясешь его рукой свободной,
 И, задрожавъ, булашь холодной
 Вонзился въ дерзоспный языкъ.
 И кровь изъ бѣшената зѣва
 Рѣкою побѣжала вмигъ.

Опшъ удивленья , боли , гнѣва ,
Въ минушу дерзоспи лишась ,
На князя голова глядѣла ,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячась ,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой пипомецъ Мельпомены ,
Внезапнымъ свиспомъ оглушёнъ ,
Ужъ ничего не видишь онъ ,
Блѣднѣешь , ролю забываешь ,
Дрожишь , поникнувъ головой ,
И заикаясь умолкаешь
Передъ насмѣшливой толпой.
Счаспливымъ пользуясь мгновеньемъ ,
Къ обьяшой головѣ смущеньемъ ,
Какъ яспребъ , богатырь лепишь
Съ подьяшой , грозною десницей ,
И въ щеку пяхкой рукавицей
Съ размаха голову разишь ;
И сшепъ ударомъ огласилась ;
Кругомъ росиспая права
Кровавой пѣной обагрилась ,

И, зашапавшись, голова
Перевернулась, покапшлась,
И шлемъ чугунный заспучаль.
Тогда на мѣспѣ опуспѣломъ
Мечь богатырскій засверкаль.
Нашъ выпязъ въ пренепѣ веселомъ
Его схвапиль, и къ головѣ
По окровавленной правѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жеспокимъ
Ей носъ и уши обрубипь;
Уже Русланъ гошовъ разипь,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
Вдругъ, изумленный, внемлеспь онъ
Главы молящей жалкій спонъ...
И пихо мечь онъ опускаеспь,
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираеспь,
И мщенье бурное падепъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиреной:
Такъ на долинь шаеспь ледь,
Лучемъ полудня пораженной.

« Ты вразумилъ меня, герой,
Со вздохомъ голова сказала:
Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ побой;
Опнынъ я тебѣ послушенъ;
Но, випязь, будь великодушень!
Достоинъ плача жребій мой.
И я былъ випязь удалой!
Въ кровавыхъ бипвахъ супосшапа
Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счаспливъ, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшаго брата!
Коварный, злобный Черноморъ,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бородою,
Мой дивный ростъ опъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣшь,
И спаль за то въ душѣ своей
Меня, жестокій, ненавидѣшь.
Я былъ всегда немного простъ,
Хопя высокъ; а сей несчастной,

Имѣя самый глупый ростъ,
 Умень какъ бѣсъ — и золь ужасно.
 Припомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,
 Въ его чудесной бородѣ
 Таишся сила роковая,
 И, все на свѣпѣ презирая —
 Доколѣ борода цѣла —
 Измѣнникъ не спрашится зла.
 Вопъ онъ однажды съ видомъ дружбы,
 Послушай, хипро мнѣ сказалъ,
 Не опкажись опъ важной службы:
 Я въ черныхъ книгахъ опыскалъ,
 Чпо за воспочными горами
 На тихихъ моря берегахъ,
 Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
 Хранишся мечъ — и чпо же? спрахъ!
 Я разобралъ во пмѣ волшебной,
 Чпо волею судьбы враждебной
 Сей мечъ извѣспенъ будешъ намъ;
 Чпо насъ онъ обоихъ погубишъ:
 Мнѣ бороду мою опрубипъ,
 Тебѣ главу; суди же самъ,

Сколь важно намъ приобрѣшенье
Сего созданья злыхъ духовъ!
« Ну, что же? гдѣ путь запрудненье?
Сказаль я карль, я гошовъ;
Иду, хопь за предѣлы свѣта. »
И сосну на плечо взвалиль,
А на другое для совѣта
Злодѣя брапа посадиль;
Пуспился въ дальнюю дорогу,
Шагаль, шагаль и, слава Богу,
Какъ бы пророчеспву на зло,
Все счастливо сначала шло.
За опдаленными горами
Нашли мы роковой подваль;
Я размепаль его руками,
И поспаенный мечь доспаль.
Но нѣпшь! судьба того хопѣла:
Межь нами ссора закипѣла —
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ: кому владѣпшь мечемъ?
Я спориль, карла горячился;
Бранились долго; наконецъ

Уловку выдумалъ хипрецъ,
Припихъ и будпо бы смягчился.
— Оспавимъ бесполезный споръ,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
Мы шѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мирѣ жишь велишь;
Судьбѣ рѣшишь мы предоспавимъ,
Кому сей мечъ принадлежишь.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
(Чего не выдумаетъ злоба!),
И кто услышишь первый звонъ
Топъ и владѣй мечемъ до гроба. —
Сказалъ и легъ на землю онъ.
Я сдуру также распянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смѣкая: обману его!
Но самъ жестоко обманулся.
Злодѣй въ глубокой пишинѣ,
Привспавъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся;
Какъ вихоръ свиснулъ оспрый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,

Ужъ голова слепѣла съ плечъ —
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ оспановила.
Мой оспавъ шерніемъ обросъ;
Вдали, въ спранѣ, людьми забвенной,
Исплѣлъ мой прахъ непогребенной;
Но злобный карла перенёсъ
Меня въ сей край уединенной,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ сперечь
Тобой сегодня взяпый мечъ.
Возми его, и Богъ съ побою!
Бышь можешъ, на своемъ пупи
Ты карла-чародѣя вспрѣпишь —
Ахъ, если ты его замѣпишь;
Коварству, злобѣ опомспи!
И наконецъ я счастливь буду,
Спокойно мѣръ оспавлю сей —
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду.»

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, возспавъ опъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ помуже — честь и слава имъ! —
Женишбы наши безопасны...
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый — о друзья!
Не вѣрьте имъ: они лукавы!
Спрашитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной оправы,
И почивайте въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
 Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
 Любви, мечтаній и чершей,
 Могиль и рая вѣрный житель,
 И музы вѣпреной моей
 Наперсникъ, пѣсунъ и хранитель!
 Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
 Что въ повѣспи моей забавной
 Теперь вослѣдъ тебѣ лечу,
 И лиру музы своенравной
 Во лжи прелеспной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слыхали,
 Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
 Предалъ сперва себя съ печали,
 А шамъ и души дочерей;
 Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ
 Молишвой, вѣрой, и поспомъ,
 И непришворнымъ покаяньемъ
 Снискалъ заступника въ Свяпомъ;
 Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
 Его двѣнадцать дочерей:

И насъ плѣнили, ужаснули
 Карпины тайныхъ сихъ ночей,
 Сіи чудесныя видѣнья,
 Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
 Живыя грѣшника мученья
 И прелестъ непорочныхъ дѣвъ.
 Мы съ ними плакали, бродили
 Вокругъ зубчатыхъ замка спѣнь,
 И сердцемъ пронупымъ любили
 Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнь;
 Душой Вадима призывали,
 И пробужденье зрѣли ихъ,
 И часпо инокинь свяпыхъ
 На гробъ опцовскій провожали.
 И чпожь, возможно ль?... намъ солгали!
 Но правду возвѣщу ли я?...

Младый Рапмиръ, направа къ югу
 Неперпѣливый бѣгъ коня,
 Ужь думаль предъ закапомъ дня
 Нагнапъ Русланову супругу.
 Но день багряный вечерѣль;

Напрасно випязь предъ собою
 Въ шуманы дальніе смопрѣль:
 Все было пусто надъ рѣкою.
 Зари послѣдній лучъ горѣль
 Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
 Нашъ випязь мимо черныхъ скалъ
 Тихонько проѣзжалъ и взоромъ
 Ночлега межъ деревъ искалъ.
 Онъ на долину выѣзжаетъ,
 И видишь: замокъ на скалахъ
 Зубчаты спѣны возвышаетъ;
 Чернѣютъ башни на углахъ;
 И дѣва по спѣнѣ высокой,
 Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
 Идетъ, зарей освѣщена;
 И дѣвы пѣснь едва слышна
 Долины въ пишинѣ глубокой.

« Ложился въ полъ мракъ ночной;
 Опъ волнъ поднялся вѣперъ хладный.
 Ужъ поздно, пупникъ молодой!
 Укройся въ шеремъ нашъ опрадный.

« Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о пупникъ молодой!

« У насъ найдешь красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о пупникъ молодой!

« Тебѣ мы съ упренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о пупникъ молодой!

« Ложися въ полѣ мракъ ночной;
Опъ волнъ поднялся въперъ хладный.
Ужъ поздно, пупникъ молодой!
Укройся въ шеремъ нашъ опрадный. »

Она манишь, она поѣшь :
И юный ханъ ужъ подъ спѣною;

Его встрѣчаютъ у ворошъ
Дѣвицы красныя шолпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окружень; съ него не сводяшъ
Онъ плѣнишельныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводяшъ;
Въ чершого входяшъ ханъ молодой,
За нимъ опшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылашый,
Другая кованыя лапы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щипъ;
Одежда нѣги замѣнишъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведушъ
Къ великолѣпной Руской бани.
Ужъ волны дымныя пекушъ
Въ ея серебряные чаны,
И брызжутъ хладные фоншаны;
Разоспланъ роскошью ковѣрь;
На немъ успалый ханъ ложился;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубился;
Попупя нѣги полный взоръ,

Прелестныя, полунагія,
 Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
 Вкругъ хана дѣвы молодыя
 Тѣснятся рѣзвою толпой.
 Надъ рыцаремъ иная машеть
 Вѣшвями молодыхъ берёзъ,
 И жарь опъ нихъ душистый пахнетъ;
 Другая сокомъ вешнихъ розъ
 Успалы члены прохлаждаетъ,
 И въ аромапахъ попопляетъ
 Темнокудрявые власы.
 Воспоргомъ випязь упоенной
 Уже забыль Людмилы плѣнной
 Недавно милья красы;
 Томишся сладостнымъ желаньемъ;
 Бродящій взоръ его блещишь,
 И, полный спраснымъ ожиданьемъ,
 Онъ шаепъ сердцемъ, онъ горишь.

Но вошь выходишь онъ изъ бани.
 Одѣшый въ бархатныя шкани,
 Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Рапширь

Садися за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ спихахъ высокихъ
Онъ можешъ воспѣвать одинъ
Обѣды Греческихъ дружинъ
И звонъ и пѣну чашъ глубокихъ.
Милѣе, по слѣдамъ Парни,
Мнѣ славишь лирою небрежной
И нагопу въ ночной пѣни,
И поцѣлуй любви нѣжной!
Луною замокъ озарѣнь;
Я вижу перемъ опдаленный,
Гдѣ випязь помный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланипы
Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
Его успа полуоткрышы
Лобзанье пайное манятъ;
Онъ спраспно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видить ихъ — и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вопъ въ глубокой пишинѣ
Дверь отворилась; полъ ревнивой

Скрыпипшь подъ ножкой поропливой,
 И при серебряной лунѣ
 Мелькнула дѣва. Сны крылашы,
 Сокройшесь, оплешите прочь!
 Проснись — швоя наспала ночь!
 Проснися — дорогъ мигъ ушрапы!...
 Она подходишь, онъ лежишь,
 И въ сладоспращной нѣгѣ дремлешь;
 Покровъ его съ одра скользишь,
 И жаркій пухъ чело объемлешь.
 Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
 Споишь недвижно, бездыханна,
 Какъ лицемѣрная Діана
 Предъ милымъ паспыремъ своимъ;
 И вопшь она, на ложе Хана
 Колѣномъ опершись однимъ,
 Вздохнувъ, лице къ нему склоняешь
 Съ помленьемъ, съ препешомъ живымъ,
 И сонъ счаспливца прерываешь
 Лобзаньемъ спращнымъ и нѣмымъ...

Но, други, дѣвственна лира
 Умолкла подь моею рукою;
 Слабѣетъ робкій голосъ мой —
 Оставимъ юнаго Рапмира;
 Не смѣю пѣсней продолжати:
 Русланъ насъ долженъ занимати,
 Русланъ, сей вѣпязь безпримѣрный,
 Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.
 Упорнымъ боемъ упомянутъ,
 Подь богапырской головою
 Онъ сладоспный вкушаетъ сонъ.
 Но вопъ ужъ раннею зарёю
 Сіяетъ тихій небосклонъ;
 Все ясно; угра лучъ игривый
 Главы косматый лобъ зашипъ.
 Русланъ вспаетъ, и конь репивый
 Ужъ вѣпязя спрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ; желшѣютъ нивы;
 Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ;
 Въ лѣсахъ осенній вѣпра свиспъ
 Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;

Тяжелый, пасмурный шуманъ
Нагіе холмы обвиваетъ;
Зима приблизилась — Русланъ
Свой путь опважно продолжаетъ
На дальный сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ:
То бьется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ шуманомъ,
Русалки, шихо на вѣшвахъ
Качаясь, вишязя младаго
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манящъ, не говоря ни слова...
Но шайнымъ промыеломъ хранимъ,
Безспрашный вишязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ,
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ,
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ незрима,
Ошъ нападеній колдуна,
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаешь моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляешь по садамъ,
О другѣ мыслишь и вздыхаешь,
Иль, волю давъ своимъ мечшамъ,
Къ родимымъ Кіевскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца улетаешь;
Ошца и братьевъ обнимаешь,
Подружекъ видишь молодыхъ
И спарыхъ мамушекъ своихъ —
Забышы плѣнь и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое перяешь заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣшь не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелесшной плѣнницы искали,

Мешались, громко призывали,
Однако все попустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась,
И кликала: сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней полпою;
Но въ спорону — незрима вдругъ —
Она неслышною спопою
Опъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минушныя слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣпвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измяпый упадали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали
Чшо пьепъ иль кушаепъ княжна.
На вѣпвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минушнаго искала сна —
Но только проливала слезы,

Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зѣвошю,
И рѣдко, рѣдко предъ зарѣй,
Склонясь ко древу головой,
Дремала понкою дремошю;
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыпья хладною спруёю:
Самъ карла упренней порою
Однажды видѣлъ изъ палапъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгаль водопадъ.
Съ своей обычною поскою
До новой ночи, здѣсь и шамъ,
Она бродила по садапъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слыхали
Ея пріапный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошеный вѣнокъ,
Или клочки Персидской шали,
Или заплаканный плашокъ.

Жестокой спраспью уязвленный,
 Досадой, злобой омраченный,
 Колдунъ рѣшился наконецъ
 Поймать Людмилу непременно.
 Такъ Лемноса хромый кузнецъ,
 Пріавъ супружескій вѣнецъ
 Изъ рукъ прелеспной Циперей,
 Раскинулъ съпъ ея красамъ,
 Открывъ насмѣшливымъ богамъ
 Киприды нѣжныя запѣи...

Скучая, бѣдная княжна
 Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
 Сидѣла шихо близъ окна,
 И сквозь колеблемыя вѣпки
 Смопрѣла на цвѣпущій лугъ.
 Вдругъ слышишь—кличущъ: «милый другъ!»
 И видишь вѣрнаго Руслана.
 Его черпы, походка, спанъ;
 Но блѣдень онъ, въ очахъ шуманъ
 И на бедрѣ живая рана —
 Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!»

Русланъ!... онъ точно! » И спрѣлою
Къ супругу плѣнница лепишь,
Въ слезахъ, препенча, говоришь:
« Ты здѣсь... ты раненъ... что съ побою? »
Уже доспигла, обняла:
О ужасъ... призракъ исчезаетъ!
Княжна въ сѣпяхъ; съ ея чела
На землю шапка упадаетъ.
Хладѣя, слышишь грозный крикъ:
« Она моя! » и въ попь же мигъ
Зришь колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкій спонъ,
Падеть безъ чувствъ — и дивный соць
Обьяль несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжной!
О спрашный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ дерзоспной рукой
Младья прелести Людмилы!
Уже ли счаспливъ будетъ онъ?
Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
И кто-то карлу вызываетъ.

Въ смятеньи, блѣдный чародѣй
На дѣву шапку надѣваешъ;
Трубяшъ опяшъ; звучнѣй, звучнѣй!
И онъ лепишъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
Закинувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немножко вѣпрена... шакъ что же?
Еще милѣе пѣмъ она.
Всечасно прелеспію новой
Умѣешь насъ она плѣнить;
Скажице: можно ли сравнить
Ее съ Дельфиною суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви раждаютъ жаръ.
А ша — подъ юпкою гусаръ,
Лишь дайце ей усы да шпоры!

Блаженъ, кого подь вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назовёшь:
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и топъ,
Кто опъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ дѣло не о томъ!
Но кто прубиль? Кто чародѣя
На сѣчу грозну вызываль?
Кто колдуна перепугаль?
Русланъ. Онъ, меспью пламенѣя,
Доспигъ обипели злодѣя.
Ужъ випязь подь горой споишь,
Призывный рогъ, какъ буря, воешь,
Неперпѣливый конь кипишь
И снѣгъ копытомъ мочнымъ роешь.
Князь карлу ждешь. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому спальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упаль подобно грому;
Русланъ подъемлетъ смущный взоръ,

И видишь — прямо надъ главою —
Съ подьяшой, страшной булавою
Лешаетъ карла Черноморъ.
Щипомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ попрясь и замахнулся;
Но попьъ взвился подъ облака;
Намигъ исчезъ — и свысока
Шумя лепишь на князя снова.
Проворный выпязь оплелъ,
И въ снѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упалъ — да шамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшишь,
Поймалъ, за бороду хвапаетъ,
Волшебникъ силился, кряхшишь,
И вдругъ съ Русланомъ улепаетъ...
Репивый конь во слѣдъ глядишь;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой висишь;
Лешаешь надъ мрачными лѣсами,
Лешаешь надъ дикими горами,
Лешаешь надъ бездною морской;

Опъ напряженья коспенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держишся рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухъ слабѣя
И силъ Руской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвишь: слушай, князь!
Тебѣ вредишь я пересшану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прошу тебя,
Спущусь — но только съ уговоромъ...
« Молчи, коварный чародѣй!
Прерваль нашъ выпязь: съ Черноморомъ,
Съ мучишелемъ жены своей,
Русланъ не знаешь договора!
Сей грозный мечъ накажешь вора.
Лепи хопъ до ночной звѣзды,
А бышь тебѣ безъ бороды!»
Боязнь объемлешь Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Успалый карла попрясаешь:

Русланъ ея не выпускаешъ
И щиплешъ волосы порой.
Два дни колдунъ героя носишь,
На прешій онъ дощады просишь:
« О рыцарь, сжался надо мной;
Едва дышу; нѣтъ мочи боль;
Оспавъ мнѣ жизнь, въ пвоей я волѣ;
Скажи — спущусь, куда велишь... »
— Теперь ты нашъ: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй Руской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ. —

Смиренно внемлешъ Черноморь;
Домой онъ съ випяземъ пуспился;
Лешипъ — и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горь.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И, бороду схвативъ другою,
Опсѣкъ ее, какъ горспъ правы.
« Знай нашихъ! молвилъ онъ жестоко,
Чпо, хищникъ, гдѣ пвоя краса?

Гдѣ сила? » и на шлемъ высокой
Сѣдые вяжутъ волоса;
Свистя зовешь коня лихаго;
Веселый конь лепитъ и ржешь;
Нашъ випязь карлу чуть живаго
Въ копомку за сѣдло кладешь,
А самъ, боясь мгновенья прапы,
Слѣшишь на верхъ горы крупной,
Доспигъ, и съ радостной душой
Лепитъ въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадашый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ Араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ споронъ
Бѣгутъ — и скрылись. Ходишь онъ
Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зовешь —
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаешь;
Въ волненьи чувствъ неперпѣливыхъ
Онъ отворяетъ двери въ садъ —

Идешь, идешь — и не находишь;
Кругомъ смущенный взоръ обводишь —
Все мертво: рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты; на спремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внемлетъ.
Внезапный князя хладъ объемлетъ,
Въ очахъ его шемнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы...
«Быть можешь, горесъ... плѣнь угрюмый...
«Минуша... волны...» Въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой шоскою
Поникнулъ вишязь головою;
Его помилъ невольный спрахъ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
Мрачнѣлся разумъ; дикій пламень
И ядъ опчаянной любви
Уже пекутъ въ его крови.
Казалось — шѣнь княжны прекрасной
Коснулась шрепешнымъ успамъ...
И вдругъ, неисповый, ужасной,

Спремися випязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываешъ,
Съ холмовъ ушесы опрываетъ,
Все рушишь, все крушишь мечемъ —
Бесѣдки, роши упадаюшь,
Древа, моспы въ волнахъ ныряюшь,
Спешь обнажается кругомъ!
Далеко гулы повпоряюшь
И ревъ, и прескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенишь и свищешъ,
Прелестный край опустошёнъ —
Безумный випязь жершвы ищешъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
И вдругъ — нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ
Прощальный Черномора даръ...
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣняхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданномъ счастьемъ упоенной,
Нашъ випязь падаетъ къ ногамъ

Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуешь руки, сѣши рвешь,
Любви, воспорга слезы льешь,
Зовешь ее — но дѣва дремлетъ,
Сомкнушы очи и уста,
И сладоспращная мечта
Младую грудь ея подъемлетъ.
Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
Его перзаешь вновь кручина...
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельного Финна:

« Мужайся, князь! Въ обратный путь
Спунай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести вѣренъ будь.
Небесный громъ на злобу грянешъ,
И воцарится тишина —
И въ свѣпломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Опъ очарованнаго сна. »

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
 Берешь въ объятія жену,
 И тихо съ ношей драгоценной
 Онъ оспавляетъ вышину,
 И сходишь въ доль уединенной.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ,
 Поѣхаль онъ своимъ пушѣмъ;
 Въ его рукахъ лежишь Людмила,
 Свѣжа, какъ вешняя заря,
 И на плечо богатыря
 Лице спокойное склонила.
 Власами, свитыми въ кольцо,
 Пустынный вѣперокъ играетъ;
 Какъ часпо грудь ея вздыхаетъ!
 Какъ часпо тихое лицо
 Мгновенной розою пылаетъ!
 Любовь и пайная мечпа
 Руслановъ образъ ей приносятъ,
 И съ томнымъ шопопомъ уста
 Супруга имя произносятъ...
 Въ забвеньи сладкомъ ловишь онъ

Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный спонь
И сонныхъ персей волнованье...

Межь тѣмъ, по доламъ, по горамъ,
И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ випязь ѣдетъ непрестанно.
Еще дадекъ предѣль желанной,
А дѣва спитъ. Но юный князь,
Безплоднымъ пламенемъ помясь,
Уже ль, спрадалецъ поешоянной,
Супругу только спорожилъ,
И въ цѣломудренномъ мечпаньѣ,
Смиривъ нескромное желанье,
Свое блаженство находилъ?
Монахъ, который сохранилъ
Пошомству вѣрное преданье
О славномъ випязѣ моёмъ,
Насъ увѣряешь смѣло въ шомъ:
И вѣрю я! Безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоёмъ.

Паспушки, сонъ княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой помипельной весны,
На муравъ, въ шѣни древесной.
Я помню маленькой лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темной вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый...
Ахъ, первый поцѣлуй любви
Дрожащій, легкій, поропливой
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремопы шерпѣливой...
Но полно, я болпаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея ушѣха и спраданье
Забышы мною съ давнихъ поръ;
Теперь влекушъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними спелелся равнина,
Гдѣ ели изрѣдка зошли;
И грознаго холма вдали

Чернѣепъ крутлая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядишь — и догадался,
Чшо подъѣзжаешъ къ головѣ;
Быспрѣе борзый конь помчался;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядишь недвижнымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ;
Ланипы жизни лишены;
Свинцовой блѣдноспью покрышы,
Успа огромная опкрышы,
Огромны зубы спѣснены...
Надъ полумершвой головою
Послѣдній день ужъ пягошѣль.
Къ ней храбрый вишязъ прилешѣль
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: « здравспвуй, голова!
« Я здѣсь! наказанъ швой измѣнникъ!
« Гляди: вошь онъ, злодѣй нашъ плѣнникъ! »
И князя гордыя слова
Ее внезапно оживили,

Намигъ въ ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, спрашно застонала...
Узнала випязя она,
И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри; на щекахъ
Багровый огонь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смяпении, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежешала,
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепешала...
Уже ея въ щопъ самый часъ
Кончалось долгое спраданье:
Чела мгновенный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный закапился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содроганье...
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаньи випязь удалился;

Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышатьъ, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Споялъ поникшей хаты кровь,
Гуспыми соснами вѣнчанной.
Въ печенѣи медленномъ рѣка
Вблизи плещень изъ проросника
Волною сонной омывала,
И вкругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣперка.
Долина въ сихъ мѣстахъ шайлась,
Уединенна и темна;
И тамъ, казалось, пишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дня

Долина съ рощею прибрежной
Сквозь упренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаешъ,
Садися близъ нея, вздыхаешъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видишь предъ собою
Смиранный парусъ челнока,
И слышишь пѣсню рыбака
Надъ пихоспруйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненной,
Плывешъ къ лѣсиспымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видишь добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко берегу приплываешъ;
Изъ темной шапы выбѣгаешъ
Младая дѣва; спройный спанъ,
Власы, небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняешъ въ ней.
И вошь они, обнявъ другъ друга,

Садяшся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досута
Для нихъ съ любовью наспаёшь.
Но въ изумленьи молчаливомъ
Кого же въ рыбакъ счаспливомъ
Нашъ юный випязь узнаёшь?
Хазарскій ханъ, избранный славой,
Рапмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Рапмиръ, въ пуспынѣ безмятежной
Людмилу, славу позабыль,
И имъ навѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приблизился, и вмигъ
Опшельникъ узнаешъ Руслана,
Вспаешъ, лепишъ. Раздался крикъ...
И обнялъ князь младаго хана.
Чпо вижу я! спросилъ герой,
Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ оспавилъ
Тревоги жизни боевой,
И мечъ, копорый ты прославилъ?

« Мой другъ, отвѣщивоваль рыбаць,
 Душѣ наскучиль бранной славы
 Пуспой и гибельный призраць.
 Повѣрь: невинныя забавы,
 Любовь и мирныя дубравы
 Милѣе сердцу во спо красть —
 Теперь, ушрапивъ жажду брани,
 Преспаль плашишь безумспву дани,
 И, вѣрнымъ счастиемъ богашъ,
 Я все забыль, поварищъ милый,
 Все, даже прелеспи Людмилы. »
 — Любезный ханъ, я очень радъ!
 Сказаль Русланъ: она со мною. —
 « Возможно ли, какой судьбою?
 Чшо слышу? Руская княжна...
 Она съ шобою, гдѣ жъ она?
 Позволь... но нѣшь, боюсь измѣны;
 Моя подруга мнѣ мила;
 Моей счасливой перемѣны
 Она виновницей была;
 Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
 Она мнѣ возвращила вновь

Мою утраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
Я для нея покинулъ ихъ;
Оставилъ шеремъ ихъ веселый,
Въ пѣни хранипельныхъ дубровъ;
Сложилъ и мечъ и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу и враговъ.
Опшельникъ мирный и безвѣспный,
Остался въ счастливой глуши,
Съ побой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ побою, свѣщъ моей души!»

Паспушка милая внимала
Друзей открышый разговоръ,
И, устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась и вздыхала.

Рыбакъ и вишязь на берегахъ
До темной ночи просидѣли

Съ душой и сердцемъ на устахъ —
Часы невидимо лепѣли.

Чернѣетъ лѣсъ, шемна гора;
Вспаешъ луна — все шихо спало;
Герою въ пупь давно пора —
Накинувъ шихо покрывало
На дѣву спящую, Русланъ
Идетъ и на коня садится;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душой вослѣдъ ему спремится,
Руслану счастья, побѣдъ
И славы и любви жelaешъ...
И думы гордыхъ, юныхъ лѣшъ
Невольной грустью оживляешъ...

Зачѣмъ судьбой не суждено
Моей непоспоянной лирѣ
Геройство воспѣвать одно,
И съ нимъ (незнаемья въ мѣрѣ)
Любовь и дружбу старыхъ лѣшъ?
Печальной испины пошъ,
Зачѣмъ я долженъ для потомства

Порокъ и злобу обнажатъ,
И тайны козни въроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличатъ?

Княжны искапель недостойный,
Охоту къ славъ поперявъ,
Никѣмъ незнаемый Фарлафъ
Въ пустынь дальной и спокойной
Скрывался и Наины ждалъ.
И часъ торжественный насталь.
Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая: « знаешь ли меня?
« Спупай за мной; сѣдай коня! »
И вѣдьма кошкой обрапилась;
Осѣланъ конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубравъ
За нею слѣдуешь Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣшная шуманъ,
Луна во мгль перебѣгала
Изъ тучи въ тучу, и курганъ

Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидѣль съ обычною поскою
Предъ усыпленною княжною.
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечпы лепѣли за мечпами,
И непримѣпно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами.
На дѣву смутными очами
Въ дремошѣ помной онъ взглянулъ,
И, упомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снился вѣщій сонъ герою:
Онъ видишь, будпо бы княжна
Надъ спрашной бездны глубиною
Стоишь недвижна и блѣдна...
И вдругъ Людмила исчезаешь,
Стоишь одинъ надъ бездною онъ...
Знакомый гласъ, призывный спонъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ...
Русланъ спремился за женой;

Спрямглавъ лепишь во тмѣ глубокой...
И видишь вдругъ передъ собой:
Владиміръ, въ грядницѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатью сынами,
Съ толпою названныхъ госпей
Сидишь за браными столами.
И также гнѣвень спарый князь,
Какъ въ день ужасный распаванья,
И всѣ сидяшь не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Ушихъ веселый шумъ госпей,
Не ходишь чаша круговая...
И видишь онъ, среди госпей,
Въ бою сраженнаго Рогдая:
Убитый, какъ живой, сидишь;
Изъ опѣннаго спакана
Онъ, весель, пьешь и не глядишь
На изумленнаго Руслана.
Князь видишь и младаго хана,
Друзей и недруговъ... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ

И голосъ вѣщаго Баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаешъ въ гридницу Фарлафъ,
Ведешъ онъ за руку Людмилу;
Но спарецъ, съ мѣста не привспавъ,
Молчишь, склонивъ главу унылу,
Князья, бояре — всѣ молчашъ,
Душевные движенья кроя.
И все исчезло — смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремолу пяжко погружёнъ,
Онъ льепъ мучительныя слезы,
Въ волненьи мыслишь: эшо сонъ!
Томишся, но зловѣщей грезы,
Увы, прервашъ не въ силахъ онъ.

Луна чупь свѣпипъ надъ горою;
Обьяпы роци темношою,
Долина въ мершвой пишинѣ...
Измѣнникъ ѣдешъ на конѣ.

Предъ нимъ опкрылася поляна;
Онъ видишь сумрачный курганъ;

У ногъ Людмилы спиптъ Руслань,
И ходиптъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядишь;
Въ шуманѣ вѣдьма исчезаешъ,
Въ немъ сердце замерло, дрожишь,
Изъ хладныхъ рукъ узду роняешъ,
Тихонько обнажаешъ мечъ,
Гоповясь випязя безъ боя
Съ размаха надвое разсѣчь...
Къ нему подѣхаль. Конь героя,
Врага почуя, закипѣль,
Заржалъ и попнуль. Знакъ напрасный!
Руслань не внемлептъ; сонъ ужасный,
Какъ грузъ, надъ нимъ опягопѣль!...
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной
Вонзаешъ прижды хладну спаль...
И мчишся боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувспвенный Руслань
Лежалъ во мракѣ подъ горою.

Часы лепѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспалиенныхъ ранъ.
Поупру, взоръ опкрывъ шуманной,
Пуская тяжкѣй, слабый спонъ,
Съ усиьемъ приподнялся онъ,
Взглянуль, поникъ главою бранной —
И палъ недвижный, бездыханной.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Спаринны были напѣвашь,
И музѣ вѣрной посвящаешь
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣпреной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забыль и шрудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Опѣ гармонической забавы
Я, нѣгой упоень, опвыкъ...
Дышу побой — и гордой славы
Невняпенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ шайный геній
И вымысловъ, и сладкихъ думъ;

Любовь и жажда наслажденій
 Однѣ преслѣдуюшъ мой умъ.
 Но ты велишь, но ты любила
 Разказы прежніе мои,
 Преданья славы и любви;
 Мой богатырь, моя Людмила,
 Владимірь, вѣдьма, Черноморь,
 И Финна вѣрныя печали
 Твое мечпанье занимали;
 Ты, слушая мой легкій вздоръ,
 Съ улыбкой иногда дремала;
 Но иногда свой нѣжный взоръ
 Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
 Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
 Касаюсь вновь дѣнивыхъ спрунъ;
 Сажусь у ногъ пвоихъ, и снова
 Бренчу про випязя младаго.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
 Лежитъ онъ мерпвый въ чиспомъ полѣ;
 Ужъ кровь его не льется болѣ,
 Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ,

Безгласенъ рогъ, недвижны лапы,
Не шевелился шлемъ косматый!

Вокругъ Руслана ходишь конь,
Поникнувъ гордой головою,
Въ его глазахъ исчезъ огонь!
Не машешь гривой золопою,
Не шѣшишься, не скачешь онъ,
И ждешь, когда Русланъ воспрянешъ...
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щипъ его не грянешъ.

А Черноморь? Онъ за сѣдломъ,
Въ копомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаешь ни о чѣмъ;
Успалый, сонный и сердитый
Княжну, героя моего
Бранилъ опъ скуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ — о диво!
Онъ видишь, богатырь убишь;
Въ крови попопленный лежишь;

Людмилы нѣшь, все пусто въ полѣ;
Злодѣй опъ радости дрожишь
И мнишь: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ неправъ.

Межь тѣмъ, Напной осѣненный,
Съ Людмилой, пихо усыпленной,
Спремился къ Кіеву Фарлафъ:
Лешипъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже Днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажипяхъ шумящъ;
Ужъ видипъ злаповерхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчипся,
И шумъ на спогнахъ воспашъ;
Въ волнены радоспномъ народъ
Валипъ за всадникомъ, шѣсипся;
Бѣгушъ обрадовапъ опца:
И вопъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ по время
Въ высокомъ перемъ своёмъ

Сидѣль, помясь привычной думой.
Бояре, вишязи кругомъ
Сидѣли съ важносью утрюмой.
Вдругъ внемлеть онъ: передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь опворилась; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ вспали съ шопопомъ глухимъ,
И вдругъ смушились, зашумѣли:
« Людмила здѣсь! Фарлафъ... уже ли? »
Въ лицѣ печальною измѣнясь,
Вспаепъ со спула спарый князь,
Спѣшипъ птяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходишь; опчими руками
Онъ хочепъ прикоснушься къ ней;
Но дѣва милая не внемлеть,
И очарованная дремлеть
Въ рукахъ убійцы — всѣ глядяпъ
На князя въ смушномъ ожиданьи;
И спарець безпокойный взглядъ
Впериль на вишязя въ молчаньи.

Но, хитро перспь къ успамъ прижавъ,
« Людмила спишь, » сказалъ Фарлафъ:
« Я такъ нашель ее недавно
« Въ пуспынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
« У злаго лѣшаго въ рукахъ;
« Тамъ совершилось дѣло славно;
« Три дня мы билися; луна
« Надъ боемъ прижды подымалась;
« Онъ палъ, а юная княжна
« Мнѣ въ руки сонною досталась;
« И кто прерветъ сей дивный сонъ?
« Когда наспанетъ пробужденье?
« Не знаю — скрышь судьбы законъ!
« А намъ надежда и терпѣнье
« Однѣ оспались въ ушѣшенье. »

И вскорѣ съ вѣспью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа песпрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный перемъ всѣмъ опкрытъ;
Толпа волнуется, валишь

Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
 На одѣялѣ парчевомъ
 Княжна лежишь во снѣ глубокомъ;
 Князья и випязи кругомъ
 Спяшь унылы; гласы трубны,
 Рога, тимпаны, гусли, бубны
 Гремятъ надъ нею; спарый князь,
 Тоской тяжелой изнурясь,
 Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
 Приникъ съ безмолвными слезами;
 И блѣдный близъ него Фарлафъ
 Въ нѣмомъ раскаяннѣи, въ досадѣ,
 Трепещетъ, дерзостъ поперявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
 Очей безсонныхъ не смыкалъ;
 Шумя, шѣснились всѣ другъ къ другу;
 О чудѣ всякой полковалъ;
 Младой супругъ свою супругу
 Въ свѣщлицѣ скромной забывалъ.
 Но только свѣтъ луны двурогой
 Исчезъ предъ упренней зарей,

Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпяся на спѣнѣ градской...
И видяшъ: въ упреннемъ шуманѣ
Шапры бѣлѣють за рѣкой;
Щипы, какъ зарево, блискаютъ;
Въ поляхъ наѣздники мелькаютъ,
Вдали подъемля черный прахъ;
Идутъ походныя шелеги,
Коспры пылаютъ на холмахъ.
Бѣда: возспали Печенѣги!

Но въ это время вѣщій Финнъ,
Духовъ могучій власпелинъ,
Въ своей пущынѣ безмяшежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возспалъ.

Въ нѣмой глуши шепей горючихъ,
За дальною цѣпью дикихъ горъ,

Жилища въпровъ, бурь гремячихъ,
 Куда и вѣдмы смѣлый взоръ
 Проникнушь въ поздній часъ боища,
 Долина чудная таища,
 И въ той долинь два ключа:
 Одинъ печеть волной живою,
 По камнямъ весело журча,
 Топь льется мертвою водою;
 Кругомъ все тихо, въпры спяшь,
 Прохлада вешняя не вѣпъ,
 Сполѣпни сосны не шумяпъ,
 Не вьюща ппицы, лань не смѣпъ
 Въ жарь лѣпнй липъ изъ тайныхъ водъ;
 Чеша духовъ съ начала мѣра,
 Безмолвная на лонѣ мира,
 Дремучій берегъ спережешъ...
 Съ двумя кувшинами пуспыми
 Предспаль опшельникъ передъ ними;
 Прервали духи давнй сонъ,
 И удалились спраха полны.
 Склонившиесь, погружаетъ онъ
 Сосуды въ дѣвспенныя волны;

Наполнилъ, въ воздухѣ пропаль,
И очутился въ два мгновенья
Въ долину, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И спалъ надъ рыцаремъ спарикъ,
И вспрыснулъ мершвою водою,
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красою
Процвѣлъ; тогда водой живою
Героя спарецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою,
Вспаешъ Русланъ, на ясный день
Очами жадными взираешъ,
Какъ бѣзобразный сонъ, какъ пѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаешъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце вспыхнувъ замираешъ.
Вдругъ випязь вспрынулъ; вѣщій Финнъ
Его зовешъ и обнимаешъ:
« Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаешъ;

Тебя зовешъ кровавый пиръ;
 Твой грозный мечъ бѣдою грянешъ;
 На Кіевъ снидешъ кропкій миръ,
 И шамъ она тебѣ предспанешъ.
 Возми завѣшное кольцо,
 Коснися имъ чела Людмилы,
 И шайныхъ чаръ исчезнущъ силы,
 Враговъ смущишь швое лицѣ,
 Наспанешъ миръ, погибнешъ злоба.
 Доспойны счастья будьте оба!
 Проспи надолго, вишязь мой!
 Дай руку... шамъ, за дверью гроба —
 Не прежде — свидимся съ побой! »
 Сказаль, исчезнулъ. Упоенный
 Воспоргомъ пылкимъ и нѣмымъ,
 Русланъ, для жизни пробужденный,
 Подъемлешъ руки вслѣдъ за нимъ...
 Но ничего не слышно болѣ!
 Русланъ одинъ въ пуспынномъ полѣ;
 Запрыгавъ, съ карлой за сѣдомъ,
 Руслановъ конь неперпѣливой
 Бѣжишь и ржешъ, махая гривой;

Ужь князь гошовъ, ужь онъ верхомъ,
Ужь онъ лепишь живой и здравый
Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между тѣмъ какой позоръ
Являешъ Кіевъ осажденный?
Тамъ, успремивъ на нивы взоръ,
Народъ, уныньемъ пораженный,
Споишь на башняхъ и спѣнахъ,
И въ страхѣ ждешъ небесной казни;
Спенанья робкія въ домахъ,
На спогнахъ пишина боязни;
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ гореспной молитвѣ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Гоповишся къ кровавой бишвѣ.

И день насталь. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ;
Неукропимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины

И попекли къ стѣнѣ градской;
Во градѣ трубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полешѣли
Навспрѣчу рапи удалой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли спучасть мечи о брони;
Со свиспомъ шуча спрѣль взвилась,
Равнина кровью залилась;
Спремглавъ наѣздники помчались,
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнушой, дружною спѣной
Тамъ рубишся со спроемъ спрой;
Со всадникомъ шамъ пѣшій бьешся;
Тамъ конь испуганный несешся;
Тамъ Рускій палъ, шамъ Печенѣгъ;
Тамъ клики бишвы, шамъ побѣгъ;
Топъ опрокинушь булавою;
Топъ легкой пораженъ спрѣлою;
Другой, придавленный щипомъ,
Расшопшанъ бѣшенымъ конемъ...
И длился бой до темной ночи;

Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ!
За горами кровавыхъ пѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
Лишь изрѣдка на полѣ битвы
Былъ слышенъ падшихъ скорбный стонъ,
И Рускихъ вишазей молитвы.

Блѣднѣла упренная пѣнь,
Волна сребрилася въ пошокъ,
Сомнипельный раждался день
На опуманенномъ воспокѣ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался: вражій спань
Съ тревогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
Смушилось сердце Кіевлянъ;
Бѣгутъ нестройными полпами
И видятъ: въ полѣ межъ врагами,

Блистая въ лапахъ, какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колешъ, рубишъ,
Въ ревушій рогъ, лепая, прубишъ...
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
Нашъ випязъ палъ на басурмана;
Онъ рыщешъ съ карлой за сѣдомъ
Среди испуганнаго спана.
Гдѣ ни просвищешъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчипся,
Вездѣ главы слепающъ съ плечъ,
И съ воплемъ спрой на спрой валипся;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрышъ холмами шѣль кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, спрѣль, кольчугъ.
На прубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя Славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибни, басурманъ!
Объемлешъ ужась Печенѣговъ;
Пипомцы бурные набѣговъ

Зовушь разсѣянныхъ коней,
Прошивишься не смѣюшь болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгушь опъ Кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы Рускій мечъ казнишь;
Ликуешь Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь лепишь;
Въ десницѣ держишь мечъ побѣдной;
Копье сіяешь какъ звѣзда;
Спруишься кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемѣ вѣется борода;
Лепишь, надеждой окриленный,
По сногнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, воспоргомъ упоенный,
Толпишься съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный перемъ входишь онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погружёнъ,
У ногъ ея спояль унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей

Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали опъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ превоги спана,
Спояль на спражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ опкрышыхъ замеръ гласъ,
И паль безъ чувствъ онъ на колѣна..
Доспойной казни ждепъ измѣна!
Но, помня шайный даръ кольца,
Русланъ лепипъ къ Людмилѣ спящей,
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо: юная княжна,
Вздохнувъ, опкрыла свѣплы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилася споль долгой ночи;
Казалось, что какой-то сонъ
Ее помилъ мечпой неясной,
И вдругъ узнала — это онъ!
И князь въ объятіяхъ прекрасной.

Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видишь, не внимаешь,
И спарецъ въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаешь.

Чѣмъ кончу длинный мой рассказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милой!
Неправый спарца гнѣвъ погасъ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой спыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливыи князь ему простилъ;
Лишенный силы чародѣйства,
Быль принявъ карла во дворецъ;
И, бѣдствій празднуя конецъ,
Владиміръ въ тридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья старины глубокой.

Э П И Л О Г Ъ.

Такъ, міра жипель равнодушной,
На лонѣ празднои пишины,
Я славиль лирою послушной
Преданья шемной спарины.
Я пѣль — и забываль обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣпренои Дориды,
И слепни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Умъ улепаль за край земной;
И между шѣмъ грозы незримой
Сбиралась пуча надо мной!...
Я погибаль... Свяшой хранипель

Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Бользненной души моей!

Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!
Забывшій свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.

Надъ ихъ вершинами крупными,
На скапѣ каменныхъ спремнинъ,
Пишаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью карпинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой —
Но огонь поэзіи погасъ.

Ищу напрасно впечатлѣній:
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,

Пора сердечныхъ вдохновеній!
Воспорговъ крапкій день прошекъ —
И скрылась опть меня навѣкъ
Богиня шихихъ пѣснопѣній...

50
B117D
P1
M-91